

Татьяна Дорофеева-Миро

Кетерук. Счастье есть!

*Памяти Екатерины Михайловны
и Александра Лукича Лукиных.*

*Расцветали яблони и груши...
М.Исаковский.*

– Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, – пела 17-летняя Кетерук новую песню, совсем недавно прозвучавшую по репродуктору.

По дну оврага, по которому протекала речка Каркаша, стелится густой туман. Где-то внизу слышится плеск воды и тихий хор лягушек. Глубоким вдохом через нос наполнила Кетерук свои легкие прохладным воздухом раннего утра. Собрав тяжелые косы в узелок, она умылась родниковой водой.

– Вот ты и попалась, – выскочил из-за дерева гармонист Серкки, подбежав, ухватил юную красавицу за талию. – Будешь моей женой? – спросил он.

Восходящее солнце согрело первыми лучами и без того горячий поцелуй влюбленных.

Свадьбу сыграть не успели.

"Внимание, говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение, граждане и гражданки Советского Союза, сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Пришедшая неделю назад в новый дом невестка прощалась с любимым сдержанно: при свекрови-то как дать волю чувствам?

– Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет, – думала она, кусая губы, чтобы не заплакать.

– Мы обязательно победим! – Серкки обнял жену, поцеловал мать,

шагнул за порог...

Ходила на берег реки Кетерук. Госковала. Песню пела:

– Выходила, песню заводила,
Про степного сизого орла.
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Но больше Кетерук не довелось увидеться с возлюбленным.

Наступило лето 1947 года. Старуха-свекровь ворчала: все-то у невестки не так. А Кетерук, с детства приученная к труду, старалась еще больше: с ранней зари до поздней ночи хлопотала по хозяйству. Некому за нее заступиться. Некуда ей пойти. У родителей и без нее – семеро по лавочкам. Не в тягость работа: пока руки заняты, и печаль по мужу меньше. Пропал без вести. Так и не объявился. А свекровь однажды не выдержала:

– Уходи!

Горько и обидно: голодные и холодные годы войны вместе. Хлеб делили пополам. Зимними ночами боками согревали друг друга.

В декабре сорок второго мобилизовали всех, кто мог держать в руках лом и кирку, на рытье Казанского обвода. Морозы под пятьдесят. Промерзшие многолетние дубы раскалывались на морозе с громким треском. Холод пробирался до костей, ломотой отдавался изнутри так, что с утра было не подняться. Слюни, выплюнутые изо рта, замерзали на лету. А работать надо. Лом звоном об землю. Руки в мозолях, в крови. Дневную норму выполняли. Валились с ног от усталости, но выполняли норму. Вручную вывозили землю. Одно утешало: хлеб выдавали. Немного, граммов 600 в сутки, но выдавали. В котомке этот кусочек промерзал так, что не разломить. Стучали рукояткой кирки об него, он со звоном рассыпался. Крошку во рту держали, как конфетку: чтобы подольше почувствовать сладкий вкус. Этот хлеб приносила домой для свекрови. Делилась. А она: уходи!

Собралась Кетерук.

Накануне приснился ей сон. Станный, страшный, непонятный.
Пошла Кетерук на Ковалинскую ярмарку.

Ярмарка во все времена славилась богатым товаром: тут можно купить все. До замужества сюда отец возил Кетерук с сестрами, чтобы купить им пасар кепи(букв: рыночное платье) и ботиночки с 12 застежками. В деревне сестрички были самыми нарядными. Все другие ходили в лаптях и домотканых рубашках, а эти - словно царские дочки. Высокие и крепкие от природы девушки стояли в церкви впереди, ближе к алтарю,

закрывая собой обзор. Никто не возмущался. Уважали девчонок, уважали отца - одного из трех грамотных людей в деревне. По имени отчеству звали. Счет знал, грамоту ведал - за спиной 4 класса школы! Другие, гляди, и одного класса не закончили! Счетоводом в колхозе работал. Без лишней, конечно, не обошлось. Пришлось отдать два амбара, лошадь и амуницию. И деньги в большой кубышке.

– Надо вступать в колхоз! – сказал глава семейства. И это не обсуждалось. Семья уважала отца, уважали и селяне. Семью эту уважали. Выйдя на игрища, все ждали начала игры Серкки на гармонии. А он ждал свою Кетерук. Без нее никогда не начинал играть. Знала это Кетерук, специально не торопилась: негоже юной девушке бросаться в объятия к парню! Пусть подождет.

– Ташла, ухмах, илсе парап пушмак,

Вуник тумелелли, сьюле келелли,- напевала она частушки, не то чувашские народные, не то собственного сочинения.

– Танцуй, дурачок, куплю тебе ботиночки, с высоким голенищем, на 12 пуговицах,- переводила она иногда.

Когда появится Кетерук на игрищах, первыми, как павушки, пройдутся с сестрой по кругу, только после них выходили на танец парни Левины – крутые нравом ребята: брали крапиву, и жалили руки тем, кто не хлопал в ладоши, пока они отплясывают. Кетерук не жалили. Она была возлюбленной гармониста. Все это понимали. Знали, что семья уважаемая. Видели, что отец ежегодно возит их на Ковалинскую ярмарку за покупками.

И вот приснился Кетерук сон, что отправилась она на ту самую ярмарку. Пила нужна была для чего-то. Видит: женщина продает пилу: зубья на ней – через раз, рукоятки полусгнившие.

– Как же так? – спрашивает Кетерук продавщицу.

А та ей отвечает:

– Есть у меня дома еще,- сбегая, хочешь?

– Нет, не надо, очень тороплюсь я, – отвечала девушка.

Так и купила эту пилу со сломанными зубьями.

Проснулась Кетерук в холодном поту.

– Зачем мне эта пила? – думала она.

Намного позже юная солдатка поняла, что сон был вещим, и что за пилу она купила: замуж она вышла за одного из братьев соседнего села Мусирмы, за Сандра, нога которого осталась лежать на полях сражений в Великую Отечественную войну. Сапером он, Лука Сандр, был: на алюминиевой mine, которую металлоискатель не мог определить, подорвался. Потерял сознание. Очнулся в эвакогоспитале. Ощутил невыносимую боль в ноге, потянулся – а ноги-то нет! Пришел в это время генерал, лично вручить Орден Красной Звезды. Хотел пожать руку. А Сандр постеснялся грязных рук, и спрятал их под одеяло. Генерал сказал:

– Ничего страшного! – и крепко обеими руками пожал руку Сандра.

Комиссованный вернулся он в родные края. Но ведь и ему, одноногому, хочется отплясывать на праздниках, хочется любви, семьи, детей! Еще молод, еще и тридцати нет...

Выучился тогда Сандр на адвоката.

– Чем не жених? Людьми уважаем, – думала Кетерук.

– Уха, уха, уха-ха,

Чем я барышня плоха? –

Юбочка бордовая,

Сама – чернобровая! – напевала Кетерук частушку.

Ей тоже, молодой и здоровой хотелось семью, детей.

Так и расписались они.

Негоже жене адвоката называться уменьшительно-ласкательным именем, и стала она из Кетерук-Катюши – Кетерне, Катериной, то есть.

Купили молодые дом деревенского священника. За самим престарелым священником ухаживали, хлебом делились. Дом знатный, ворота с пятью столбами, во дворе – дощатые тротуары. Шикарный дом! Вскоре священник помер. Похоронили чинно на свои средства: иных близких у старца не было.

В начале апреля сорок восьмого родилась дочка. Крепкая Кетерне быстро освободилась от бремени, надела самое красивое платье, обулась в лакированные туфли, и по весенним холодным лужам пошла к мужу в партком. Ревновала Сандра Лукича к секретарше, проверить хотела где он и как, ну, и новость сообщить о рождении первенца.

Хождение в туфельках по снежной каше ранней весны не прошло бесследно: слегла Кетерне с горячкой. А муж - вечно на работе да по партийным делам.

– Жаба хромая! – иногда со слезами вырывалось у нее. Особенно, когда приходила соседка Шура просить медали, чтобы надеть на 9 мая.

Отдавал Сандр. И в этот раз отдал.

– Вот точно ведь: жаба хромая и есть! Что же ты сам не носишь свои награды? – возмущалась, распаляясь, Кетерне.

А Сандр Лукич – молча курил у печки, терпел, терпел, да как запустит в жену костью. Еле увернулась.

Не ходил на 9 мая Сандр Лукич, скромно стоял в толпе зрителей. И металлическую красную звезду на ворота не позволил вешать. У других она была, а у Сандра – нет.

– Не так все было, не так, – бормотал Сандр Лукич, когда после рождения четвертого ребенка семьей смотрели кино про войну по телевизору. Вставал, и уходил к печке курить самокрутку в люшку. Так заслонку называли.

– Папа, а как? – спрашивали детишки. Уходил он от ответа. Снимал протез, и культей пугал, рыча при этом, как медведь. Разбегались детишки

по углам, хохоча. Никому было невдомек, какую боль – прежде всего – душевную, – испытывал Сандр Лукич.

– Эх, пуститься бы в развеселый пляс! Кренделя ногами бы выписывать! – горевал он в день районного праздника весны и плуга Акатуй. Никому не понять солдатскую душу. В ноябре тридцать девятого призвали в Красную Армию молодого, крепкого. Война началась. Гвардии старший сержант, командир отделения 12 отдельного гвардейского саперного батальона 7 гвардейской стрелковой дивизии Александр Лукич Лукин почти всю войну прошагал по полям и болотам с миноискателем. После тяжелого ранения в январе сорок пятого списан по негодности.

Кто поймет душу солдата? Кто поймет душу молодого, полного сил мужчины, безногого, «негодного»? Это слово – «не годный» больно отзывалось и в отсутствующей ноге, и в сердце. Точила эта боль сердце ежедневно. Кетерне, Катерина Михайловна, трудившаяся в годы войны на элеваторе, таскавшая мешки с зерном и мукой, грузившая эти мешки в вагоны, отправляемые на фронт, ворочавшая тяжелыми мешками, как игрушкой, молодая и красивая, краснощекая. До сих пор дышит здоровьем. Природа наделила крепостью физической и крепостью духа. В одиночку тянула хозяйство. И картошку посадить, и выкопать. И баньку истопить, детей помыть. Постирать, убрать. Все дела на ней. И на работе до поздней ночи. И ночные дежурства в детских яслях – на ней.

Сторожем подрабатывала. А он? – Не годный, хромой, безногий солдат...

Никто не поймет душу солдата. Невдомек жене, которой нужно поднимать хозяйство, а надеяться не на кого. И родившейся внучке Танюшке было невдомек. Откуда ей, трехмесячной это понимать?

– Умру я... Так хочется, чтобы Танюшка – черемуховые глазки – стала понимать. Стала бы помнить меня... А я умру, – сказал он с грустью.

Ранним утром следующего дня Лукина Александра Лукича, мужа Екатерины Михайловны, нянечки детского сада, не стало.

– Родненька-а-ай ты мой, жаба ты моя хромая, как ты мог оставить меня одну на белом свете? Войны нет, мир отстроен, мы планировали...

Танюшка вот растет, – искренне сокрушалась-причитала Кетерук.

Танюшка на похоронах была. Малышка в ползунках и чепчике она мирно спала на руках отца.

– Ба, расскажи о себе, – просила она, повзрослев, бабушку Катю.

Кетерне тогда плакала и пела песню:

«Ой ты песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От катюши передай привет...».

Не понимала Танюша, почему бабушка плачет.

– Щасти есь! Есь, – говорила пожилая женщина.

– Счастье? – переспрашивала Танюшка.

– Да, щастя. Есь оно, – вытирала слезы Кетерне, к тому времени похоронившая не только второго мужа, но и любимую 18-летнюю дочку-красавицу.

– Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю! Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы, за плечами Своими сокроет тебя, и под крыльями Его будешь надеяться, – как оружие окружит тебя истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень.

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо ты сказал: «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона.

«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долгоготю дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое, – читала она 90 псалом, ища утешения в горе, плача над несчастной судьбой.

Танюшка, ничего не понимающая, пугалась горячей искренней молитвы бабушки. Зажигала, бывало, бабка с соседкой свечи, и обе, рыдая в голос, молились. Забывалась в угол Танюшка, зажмурившись, сидела. Не понимая умом слов молитвы, сердцем чувствовала боль любимой бабушки. Эта боль пугала, от нее хотела спрятаться.

– Наркозник. Мой муж – наркозник. От наркозника родила детей. Все они - какие-то другие, не как дети других, – говорила позже Катя, когда слез уже не осталось, и душа освободилась от горечи бесконечных утрат и лишений. Опустела душа. Но как полагается, пустое всегда заполняется чем-то. И заполнилась пустота в душе Кетерне шутками да частушками, сказками да прибаутками. То ли горечь свою скрывала?..

Как-то в середине девяностых рассказала Танюшке историю:

– Нашла я колечко золотое. Надела на палец, да колечко-то выронила: не по размеру больше оказалось оно. Тогда я надела колечко на другой палец. И вроде, пришлось золото по размеру. Носила я его, носила, да в один день снова колечко вылетело с пальца: палец похудел. На третий палец надела его – тоже не смогла носить: почернело золото, очищать пришлось. На четвертый палец – опять не по размеру. Лишь на пятом пальце впору пришлось кольцо. Да уже не нужно. Помру скоро.

Долго пытались понять Катину историю. В шкафах да комодах искали колечко. А оно, оказалось, и не существовало в реальности. Все это – образно. Первого мужа похоронила. Второго. Дочку потеряла. На пенсию вышла. И хоть стала ветераном труда, да стара уже стала, ноги не слушались, в обе руки тросточки взяла.

– Я умру, умру я, – похоронят меня,

А на моей могилочке только соловей напропоёт, – тянула она унылую песню. И просила всегда, шутя:

– Люблю свой дом. Помру – похороните меня в конце огорода. Буду знать, что вы все рядом. А на кладбище – тишина, вороны каркают. Страшно и одиноко.

– Танцевать я хочу! Песни петь хочу! Жить хочу! – говорила она, «пританцовывая» сидя на стуле. Вся жизнь в труде. В детстве в доме отца поднимались чуть свет: хозяйство большое, лошадь, корова, другая скотина всякая. Сено заготовливали, картошку выращивали. Матери в колхозе помогали, зерно убирали. У старой свекрови день и ночь в трудах: лишь бы упасть усталой на кровать и не помнить ушедшего на фронт любимого. После войны – замужество, дети, быт, работа в «Чайной». Оттуда после полуночи лишь возвращалась домой, а рано утром – снова подниматься. На пенсии – тоже работа: зеленое золото Чувашии – хмель убирала, на свекольном поле работала. Вся жизнь – работа, работа. Некогда было танцевать. Лишь в юности до войны пришлось, да и то – немного: замуж-то рано вышла.

Как-то заглянула к бабушке Кате Танюшка. Сидела старушка у окна перед печкой. Руки с вздувшимися венами на коленях сложила в замок, большими корявыми от работы пальцами крутит в одну, потом – в другую сторону. Привыкшая к труду Кетерук, даже сидеть спокойно не могла, нужно было ей какое-нибудь движение.

– Доченьку мою! Иди сюда, чево скажу, – попросила Катя.

Отдала в тот день Кетерне вещи доченьки усопшей: носи, перешивай, пользуйся! Ордена и медали мужа Сандра отдала: берегите это все, гордитесь дедом! Огромный подсумок песочного цвета был наполнен разными наградами Александра Лукича.

– Я умру, умру я, – снова начала было 87-летняя старушка.

– Ба, не надо! Живи! – попросила внучка.

– Отцвели уж яблони и груши, – улыбнулась Кетерне.

И добавила:

-Щасти есь, доченьку мою! Я знаю, что такое щасти.

–Бабушка, ты столько вытерпела, войну пережила, голод, лишения, разве ты была счастлива? – недоумевала Танюшка.

– Я любила. Любовь помогла выжить в самые тяжелые годы. Я жила и любила. Это и есть счастье...

В многолюдной толпе похоронной процессии плакал по старушке Кетерне один человек – Танюшка.

– Что ты сырость разводишь? Старая ведь она, пожила свое, чего реветь-то? Если б молодой кто помер... И без твоих слез сыро и холодно, – попытался кто-то пошутить на ноябрьском кладбище.

– Любила она... и меня... и жизнь любила... Она любила! – ответила Танюша.

Никто так и не понял душу Кетерне.

«А любовь Катюша сбережет...».

Урмары, 2021 г.